

Переводы

Личность в контексте культуры

Клэр Данн

КАРЛ ЮНГ: ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ¹

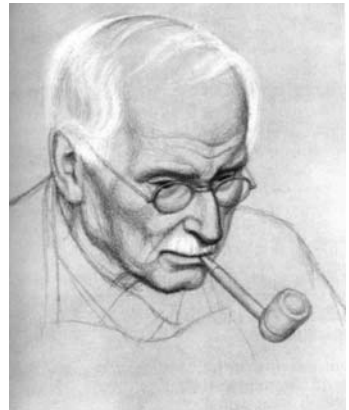
(перевод с английского Алексея Лисогора)

Лекарь за работой

«Я – конфликт противоположностей»

В ответ на одну свою характеристику, прозвучавшей из уст некой анонимной женщины, в 1930-х годах К. Юнг оставил нам вот такое свое собственное описание: *«Много каких личин уживаются в моей голове, но несмотря на это, общее впечатление оставляет желать много лучшего. <...> Моя внешность странным образом контрастирует с духом. Когда помру, никто и не подумает, что перед ним труп человека, имевшего духовные устремления. Я – конфликт противоположностей, что ужасно затрудняет быть мне справедливым»* [1].

Чем бы не занимался К. Юнг, буквально во всем, включая его терапевтическую работу, во всем была

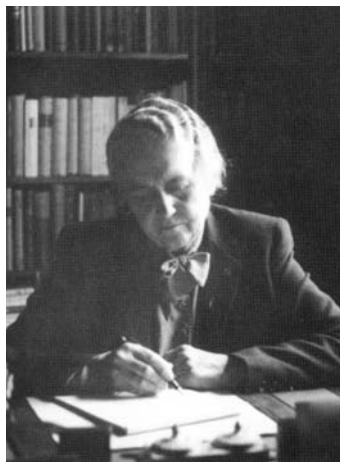

Портрет Юнга. Рисунок Питера Биркхойзера, 1958. На данном портрете бесспорны такие черты Юнга, как твердая земная сила и ищущий дух. Он провозглашал о себе как о «столкновении противоположностей».

¹ Dunne C. Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.

Продолжение. Начало: Развитие личности. 2007. № 2. С. 233–247; № 3. С. 239–247; № 4. С. 219–237; 2008. № 1. С. 232–242; № 2. С. 210–233.

видна широта его человеческого спектра. В качестве доказательства своих методик лечения больных, он приводил данные, что 1/3 из них действительно целиком и полностью исцелилась, у еще 1/3 наблюдались значительные улучшения, и только последняя треть его пациентов по существу оставалось невосприимчивой, высказывая, правда, постклинические улучшения в последующие годы. Вот как одна из его пациенток, Джейн Уилрайт, повествует о своей первой встрече с К. Юнгом: *«Итак, вы тоже по уши в супе¹, – вот те самые первые слова, которые я услышала от Юнга: он так любил американский сленг!*

Эмма Юнг в своем кабинете дома в Кюснахте. Миссис Юнг становилась психоаналитиком, и в то же время помогла развивать аспект анима/анимус в процессе индивидуализации, а также проводила всестороннюю независимую работу над легендой Святой Грааль, которая позже была опубликована как отдельная книга.

Искренность
в психоанализе,
сдержанность
вне его

В нашу самую первую с ним встречу... он без обиняков спросил меня, что я думаю про него. Ответила, что он мог бы стать своеобразным катализатором для меня. Что много читала про него и что болезненно осознаю как много вокруг него людей, безнадежно запутавшихся в его ауре и потерявших в клейко-липкой субстанции случившихся трансфер свою индивидуальность. Что ни за что не хочу стать одной из них. Кивая головой, он соглашался со мной. Но вскоре после этого по ходу нашей с ним беседы он вдруг спросил меня умоляюще-мягким голосом, идущего из самых недр его человечности: «разве Вы не можете разглядеть во мне человека?» И в тот же самый миг для моей объективности настал страшный коллапс и я, махнув на все рукой – а, будь что будет! – предалась на волю судьбы. С этого момента между нами стали протягиваться ниточки доверия, перешедшие в конце концов в психоанализ, установивший мою новую позицию и новый инсайт и то ощущение самой себя, что до сего дня остаются сутью моего существования. На собственном опыте убедилась, насколько важны по настоящему искренние взаимоотношения в часы психоанализа – вне стен своего кабинета Юнг был сух и официально-вежливым» [2].

¹ To be in the soup – быть в беде, в затруднении (Прим. пер).

Успех лечения
зависит от личности
доктора

Он посвятил себя профессии доктора, правда, не совсем обычного для себя времени: *«Когда на карту поставлено все самое важное, то существенную роль начинает играть личность доктора. Успех лечения будет зависеть от того, считает ли он себя одним из участников разворачивающейся драматургии, или же будет маскироваться своим авторитетом»* [3].

«Я научился <... > [в Бергхольтц] что исцелить сможет только тот врач, который, находясь под влиянием своих пациентов, постоянно зондирует свои внутренние глубины. И только в том случае он сможет питать надежду на положительный результат, если для предстоящей перед ним больной души он будет озвучивать все то, что идет из самого сердца своей условно называемой «нормальной» души...

Лечит ведь непосредственно только сам весь израненный целитель, но даже ему, в конечном счете, не удастся исцелить сверх той меры, до которой он сумел вылечиться сам» [4].

Индивидуальная
работа с каждым
пациентом

С каждым из своих пациентов К. Юнг работал индивидуально, устанавливая личный контакт как один человек с другим. Слова и лежащие в их основе образные намеки, язык жестов и сны – все это служило связующими звеньями между отдельными фрагментами всей истории болезни человека, чье содержание, воспринятое сердцем доктора и трактованное им в известном только ему единственно-правильном смысле неминуемо возвращалось человеку обратно – и тот с радостью осознавал, каким же бесценным даром он теперь обладает.

«Быть полностью понятым – самое наихудшее из всего того, что только может случиться с человеком в жизни... В этом случае он многим лишится своей личной raison d'être. Врагу не пожелаю такого...

Когда тебя понимают... то временами это можно сравнить с настоящим медленным убийством души, чья смерть наступает в момент расплющивания ее

Тони Вульф и Юнг в Суонсе, Англия, 1922. Тони Вульф стала аналитиком и ассистировала Юнгу, впервые проводя анализ женской психологии и внося вклад в его книгу *Психологические типы*.

«Шаманские
приемы»

Метод лечения –
идти от себя

под прессом самых разных жизненно важных разногласий и различий. Суть личности – великая тайна жизни, что сразу разрушается при “понимании”» [5].

По словам все той же Джейн Уилрайт временами методы работы К. Юнга напоминали шаманские приемы: *«Меня всегда завораживало то, как явно он акцентировался на реализме души... С таким вот подходом, не говоря уже про то, что сам являл собою вполне обыкновенного человека, а не какого-то там заумного доктора, я столкнулась во время одного из эпизодов первоначальных наших с ним встреч. Тогда я призналась ему, что ужасно боюсь сойти с ума и раздвоиться, раствориться в своем сознании. Этот потайной мой страх отравлял всю мою жизнь. Внезапно он сделал резкий выпад руками в мою сторону, словно ловя летящий футбольный мяч и, через миг крепко прижав его к своей груди, сказал: «Ну вот и все, теперь он у меня и Вам нечего больше бояться». Действительно, в ту же секунду мой страх бесследно улетучился» [6].*

Аниела Джеффи тоже включила в свою книгу «Jung's Last Years» собственные впечатления о весьма необычайной работе К. Юнга со своими пациентами: *«Однажды в его кабинет скромно вошла маленькая девушка, учительница одного из окрестных сел... по направлению тамошнего врача, доселе неизвестного Юнгу. Де-*

вушка страдала жестокой бессонницей и являла собою тот тип «Маш-растеряш», у которых все валится из рук и ничто сделанное, даже самая простенькая работенка, никогда не выходит должным образом, отчего на ее лице была печать крайнего измождения. С одного взгляда на нее становилось ясно, что ей срочно требуется релаксация. Юнг начал объяснять ей это, говоря между прочим, что сам оно много чего перепробовал, но все же лучше всего ему помогает хождение под парусом у себя на озере, когда отдавшись на волю ветра, несущая его лодка тихо скользит по ослепительной водной глади. Но насколько он мог судить по ее глазам, его слова влетали ей в одно

Напротив. Детали групповой фотографии с Третьего Международного Психоаналитического Конгресса, Ваймар, Германия, 1911.

Первый ряд: вторая слева – Эмма Юнг, крайняя справа – Тони Вульф, представитель из Цюриха. Второй ряд, крайний слева – Зигмунд Фрейд, представитель из Вены, следующий справа, Карл Юнг, представитель из Кюснахта. Это одна из немногих фотографий Юнга, Эммы и Тони вместе.

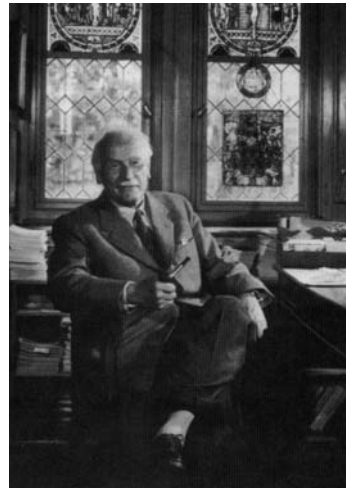
ухо и тут же, не задерживаясь, вылетали в другое. Это очень опечалило его, поскольку он всем сердцем проникся ее проблемой, искренне желая помочь ей, а в его распоряжении была всего лишь одна эта консультация.

Потом он мне признается, что в тот момент, когда расписывал ей все прелести надутого ветром паруса, в его голове зазвучал голос матери, тихонько напевающей колыбельную для младшей сестрелки – точь в точь как она баюкала его самого в восьми-девятилетнем возрасте, напевая им про маленькую девочку, плывущей в утлой лодчонке вниз по Рейну в сопровождении стайки резвящихся рыбок. Бессознательно он сам стал на мотив той колыбельной мурлыкать про лодку, парус и ветер с волнами – и через некоторое время увидел, что его песенка «зацепила» девушку.

По окончании сеанса девушка ушла. Двумя годами позже на одном из конгрессов он повстречал того самого доктора, что послал к нему эту пациентку – тот умолял его поделиться своей волшебной методикой, поскольку та девушка раз и навсегда избавилась от мучавшей ее бессонницы... Юнг, естественно, смутился.

«Да, как скажите мне, пожалуйста, было мне объяснить ему, что просто слушал мамин голос внутри себя? Как тут мне было не растеряться? – с улыбкой вспоминал Юнг. – Взять и просто сказать, что спел ей колыбельную своей мамы? Что этот метод является одной из наистарейших форм психотерапии?» [7].

На одной из европейских конференций (1930-е годы), где были отмечены юнговские «солидная житейско-земная аргументность» и «в то же время доводы в духе Мефистофеля» он, защищаясь, просто и доходчиво объяснил с трибуны смысл своей «миссии», назвав вещи своими именами и, расставив точки над «i»: «Кем бы вы все не считали меня, я – гери Юнг, помогающий

Юнг в своем кабинете. Фотография Карша из Оттавы. Полный книг кабинет Юнга был известен образцами различных культур, Востока и Запада, включая Христианские витражные окна. Это было его рабочее место, в то время как Боллинген оставался его любимым местом для душевного отдыха.

Дух исследователя

больным людям, и будет просто ужасно, если мне не удастся исцелить их. Кроме того, в своей работе я нахожу вполне определенный интерес. Я человек предприимчивый и инициативный, дух новатора не дает мне сидеть сложа руки. Любой сумасброд, постучит он в любое время дня и ночи в мой дом, сразу же разбудит во мне исследователя и растормошит попутно мое любопытство, мой азарт приключений, мое сочувствие и сострадание. Он тронет мое сердце, тоже доброе и отзывчивое – у людей комплекции оно как правило всегда такое; все мы застенчиво пытаемся скрыть это, да уж куда там! – и вот я уже радостно потираю руки в предвкушении: посмотрим-посмотрим, что смогу сделать с этим чокнутым! Даже в наитруднейших случаях процесс лечения я всегда превращаю в игру, а все из-за своего любопытства и азарта...

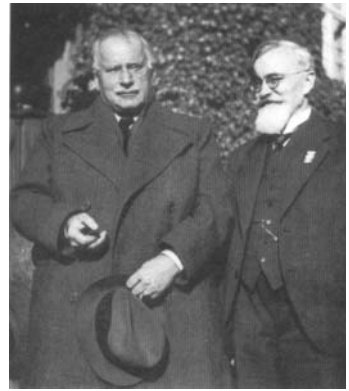
Еще могу сказать вам вот что: каждый раз без должного возмещения истощать и опустошать себя ради здоровья другого, рано или поздно вам надоест это. Вот поэтому я противопостою пациенту как совершенно обыкновенный человек, невзирая на все его доводы за и против такого моего подхода» [8].

Крайности
в методах работы

Обращение К. Юнга со своими пациентами варьировалось от искреннего беспокойства и заботы до «убиравшись, надоели хуже горькой редьки!» Свидетельства Джейн Уилрайт подтверждает проявление этих крайностей в методах его работы: «Временами забота Юнга о человеке ну просто умоляла своей трогательностью. Для него не играли никакой роли ни цвет кожи, ни сословие, ни положение в обществе, ни образование представшего перед ним человека, лишь бы только он был истинен к себе и чистосердечен в своих собственных поисках.

Помню, как взволновался Юнг, когда к нему в Цюрих из далекой глубинки приехал бедно одетый скромный молодой человек, в буквальном смысле слова на хлебе насущном сэконобивший деньги для этой поездки. Он хотел просто-напросто взглянуть на мэтра и задать попутно ряд вопросов по его опубликованным работам и узнать что-нибудь новенькое. Несмотря на поздний час, Юнг незамедлительно принял юношу. Очевидно, его восхитил такой мужественный поступок этого человека и он захотел воздать ему тем же радушием, и быть может, в беседе с ним он обнаружил перед собой еще одного смелого, независимого и решительного одиночку, пусть даже и на таком скромном социальном уровне? Кто знает. На право, стоило собственными глазами видеть, насколько тронут был Юнг, счаст-

лив и польщен фактом, что даже такой незначительный человек как этот робкий юноша стремился найти и в итоге нашел его. Но был и совершенно противоположные ситуации, когда Юнг казался донельзя резким и грубым, а временами ну просто бессердечным. Вполне вероятно, что у него были на то особые причины вести себя так, то такая логика его поведения казалась весьма странной. В качестве примера могу привести случай с одной женщиной, которая до встречи с Юнгом уже не один год посещала разных психоаналитиков, да все без толку. И вот настал назначенный ей день консультации у Юнга.

Юнг и Матиас Генрих Геринг, глава Немецкого Медицинского Общества Психотерапии в 1934. Юнг принял пост вице-президента и далее президента Международного Генерального Медицинского Общества.

Не знаю уж, что там с ней произошло, но стоило лишь ей увидеть Юнга, как она тут же судорожно разрыдалась крокодиловыми слезами, что повторилось и в другие назначенные ей дни, причем она могла заплакать даже еще сидя в приемной. Так продолжалось довольно-таки длительное время. А Юнг... он справился с ее «нюнями» весьма своеобразно: пока она редела перед ним белугой, он преспокойно присматривал свежие газеты...

Еще одна моя знакомая рассказывала, что перед визитом к Юнгу она не придумала ничего лучшего как исписать толстую тетрадь придуманной пьесой, что потребовало от нее напряжения всех своих сил – посчитала, что таким образом это поможет ее психоанализу. И вот, встретившись с Юнгом, она весьма довольная собой, с гордым видом вручила ему эту пухлую рукопись. Он же, не прочитав ни строчки и даже не взглянув на заглавие, вернул ее обратно. Должно быть его возмутила такая рабская попытка понравиться ему. И насколько я знаю, с тех пор эта дама никогда больше не бралась за перо» [9].

Если К. Юнг не принимал сны своих пациентов или же считал, что в данном случае им гораздо лучше поможет методика З. Фрейда или А. Адлера, то без колебаний отсылал их к первому или второму соответственно. Как-

Нет истины в последней инстанции:
«Каждый из нас по-своему прав»

то он сказал в разговоре с Джозефом Уилрайтом, что никто из них – ни З. Фрейд, ни А. Адлер, ни он сам – «...не может претендовать на истину в последней инстанции – каждый из нас по-своему прав». Относительно ценности разных подходов Фрейда и Адлера к лечению душевнобольных он признавал только с оговоркой, что никто из них так и не выразил наиболее полно психическую целостность. И указывал, что много «так называемых неврастеников» «не живут в ладу самим собой» главным образом из-за ограниченности и односторонности окружающего их общества, становясь со временем, по его словам, «опционным невротиком».

«Если бы они жили в такое время и в такой обстановке, в которых миф все еще связывал бы их с миром праотцов, если бы они жили в непосредственном контакте с правдой, а не общались бы с ней из-за стекол домов или с асфальтовых лент дорог, то тогда им не составило бы никакого труда наладить гармонию с самим собой. Я имею в виду тех, кто не может смириться с утратой в своей жизни мифа, кто не удовлетворяется существованием в том поверхностном мире, как видит его наука, или интеллектуальным словоблудием, не имеющим ничего общего с вековой мудростью... их очевидные нездоровые проявления вмиг исчезнут, стоит лишь захлопнуть-ся пропасти между эго и подсознанием» [10].

Совмещать в себе
«первобытность
и современность»

Джейн Уилрайт считала себя просто «везучей», что ей посчастливилось совмещать в себе «первобытность и современность» как раз в то время, когда в своих исследованиях 1955 года К. Юнг вплотную занялся этой проблемой, особо интересуясь тем, как она проявляется во второй половине жизни людей, поскольку сам уже давно перешагнул срединный рубеж своей жизни.

«Беда моя заключалась в том, что себя саму я отождествляла с некой «теткой», живущей в такой дикой и пустынной местности..., где даже древние инки с их-то великолепным умением жить в гармонии с природой по-вымерли бы. И вот эта «тетка», как все цивилизованные люди, вынуждена была окончить сперва школу, потом колледж и жить дальше в этом техном мире. Но подсознательно я чувствовала, что так или иначе должна совершить квантовый прыжок с социального уровня первобытной женщины Каменного века прямо в XX столетие и что Юнг сможет помочь мне в этом. Это была явная удача, что я, обремененная этой проблемой, переступила порог его дома именно в этой фразе его жизни.

Юнг, несомненно, воплощал собою патриархально-отеческую опеку – сама его физическая комплекция

всецело способствовала этой роли. Те не менее я прекрасно ощущала, что он, уже открыв аниму и будучи бешено популярным среди женщин, заодно получая от них, особенно от американок, мощную поддержку своим новым радикальным идеям, по крайней мере в глубине души желает всем им лучшего жребия судьбы и хочет улучшить их жизнь, проложив им узаконенную дорогу профессионализации. Однако его поведение вовсе не убеждало в этом. Когда я состыковалась с ним ради определения даты первого рабочего психоаналитического сеанса, то он сразу заявил, что день встречи и время он будет обсуждать только с моим мужем. «С ним? Не со мной?» – мигом вскипела я обычным для американок негодованием. «С Вами – позже», – нарочито грубо отрубил он. Я вспомнила этот эпизод только лишь потому, что он очень характерно высветил как бессознательно Юнг возлагал в мужские руки ответственность за судьбу женщины. Но мне самой, получая от работы с ним мощнейшие импульсы, все же удалось в конце концов достичь своей подлинной женской независимости; кроме того я еще смогла – спасибо ему! – наконец-то отделаться от своей сверхзависимости от его установок и развить свои собственные идеи...

Проницательность Юнга... показала мне путеводную звезду, за светом которой я пошла от своих корней, глубоко-глубоко уходящих в плодородную почву архаичной женщины, к свободной современной женщине» [11].

Помочь людям
заглянуть внутрь
себя – смысл работы

Помочь людям заглянуть внутрь себя, освобождая их таким образом от гнета своего авторитета, стало для К. Юнга смыслом всей его дальнейшей работы.

«Считаю свои долгом довести всех своих учеников и пациентов до той точки, откуда они уже сами смогут принять то прямое требование, что вызывает к ним изнутри...» [12].

«Да, вполне можно показать человеку практически все, что тут есть, но мы бессильны всучить ему в руки то, что ему самому следует делать...

Жизнь была бы очень легка, если бы человек всегда заранее знал, как вести себя и что делать в той или иной ситуации. Жизнь – это своего рода искусство, а не накатанная прямая колея и не готовые товаропродукты, что только и ждут вас на каждом встречном-поперечном углу...

Никто не сможет прожить ни минуты вместо вас. Ваша жизнь – вам и жить ее. Если же я буду навязывать вам что-либо свое и определять ваши поступки, то это будет моя жизнь, а не ваша» [13].

«Если вы желаете пойти своим собственным путем, то это будет только ваш путь, не известный вам заранее и ни в коем случае не предписанный; а просто сам собою будет потихоньку проявляться, стоит лишь вам только сделать первый шаг вперед. И если всегда будете делать все, то что должно быть сделано, то вы ни разу не спотыкнувшись, пойдете по жизни наиболее безопасной стезей, намеченной вашим под-сознанием» [14].

«Теперь идите
домой и спокойно
живите»

«Теперь идите домой и спокойно живите», – сказал К. Юнг Изабель Гамильтон Рэй в последний день работы с ней. И как она писала своему мужу: *«Ура-ура, я сделала то, зачем приехала сюда – дотронулась-таки до полы психологического халата Юнга – и Бог мой, как все изменилось сразу в моих глазах: считала ведь, что искала у него нечто вроде духовного крещения, которое гарантировало бы мне защиту и превосходное понимание, а вместо этого кажется, что взвалила на свои плечи огромную ответственность по сохранению баланса нормального сознания... Ой как это трудно!.. Я, конечно же, уже не сойду с этого пути, но одному Богу известно, как нелегко будет для меня грядущее» [13].*

«Никому не желаю
быть юнгианцем...»

Как сказал однажды К. Юнг Алану Уоттсу он очень рад, что не был юнгианцем. «Я – Карл Густав Юнг». *«Никому не желаю быть юнгианцем... Хочу, чтобы прежде всего люди были сами собою... Ну а если вдруг однажды моему имени припишут очередной «-изм», тогда всесделанное мною не будет стоить и выведенного яйца» [14].*

Помощники: Эмма, Тони

Эмма и Тони как
лучшие
специалисты

Некоторые пациенты доктора Юнга, успешно избавившись с его помощью от своих проблем, оставались впоследствии очень хорошими его друзьями и уже сами со своей стороны помогали продвигать его идеи по всему миру; другие же сами становились психоаналитиками. Непосредственно в самом Цюрихе было два человека, которых он рекомендовал пациентам как очень хороших специалистов: «...либо моя жена, либо фройлен Тони Вольф» [15].

Эмма Юнг
и развитие
идеи анима/анимус

Эмма была ему первой помощницей в разработке и развитии анима/анимус аспекта индивидуального процесса. С подачи мужа она выучила латынь и овладела греческим языком, на которых тот с легкостью читал, и получила от него всецелое содействие в своем дальнейшем самообразовании. Ее исследования преданий о Святом Граале послужили основой для книги Мари-Луизы фон Франц, бывшей ее пациентки, ставшей со временем крупнейшим мировым специалистом по К. Юнгу.

Лекции
о Святом Граале

Когда в 1961 году был основан психологический Клуб как лекторий, библиотека да и просто неформальное место встреч врачей, их пациентов и учеников, Эмма Юнг стала его первым президентом. С учреждением через несколько лет Института Карла Юнга она начинает преподавать в нем.

«Нет, миссис Юнг не занималась со мной психоанализом и мы не общались с ней вне стен альма-матер, я всего лишь прослушала курс ее восхитительных лекций о Святом Граале. От других преподавателей она отличалась тем, что в конце каждой пары оставляла минут десять-пятнадцать на возникшие у нас вопросы. И меня всегда восхищало, каким доступным и понятным языком озвучивала она свои исчерпывающие ответы абсолютно на все наши вопросы, начиная от заковыристых каверз эрудитов или задиристых выскочек и заканчивая разумно-грамотными постановками педантов, не обходя вниманием даже откровенно наивные.

Но вот однажды на одной из лекций случился невероятный казус. Кто-то из задних рядов задал донельзя элементарный полувопрос-полуутверждение, на который, по моим ожиданиям, миссис Юнг сейчас даст краткий, впрочем обходительный, как и всегда ответ. Но... ответа не последовало и в зале повисла гробовая тишина. Обведя замеревшую аудиторию взглядом, она по-простому призналась: «Я не знаю ответа на это вопрос. Не знаю, потому что никогда не задумывалась над этим фактом».

У меня просто челюсть отвисла! Там впереди перед нами стояла великая женщина, наверно самый крупнейший специалист по Святому Граалю, жена самого (!) Юнга, только что прочитавшая нам захватывающую лекцию в этом институте его августейшего имени – и вот те на: она не только легко признается, что не знает ответа на этот простейший вопрос, но еще утверждает, что он вообще ни разу не приходил ей на ум!..

На пике волнения за миссис Юнг – она же сейчас смутится! – я вдруг внезапно осознала, что смутилась сама! А она, ничуть не смущаясь создавшимся положением и не чувствуя себя униженной или виноватой своим незнанием, ни капли не досадуя и не огорчаясь на себя стояла перед нами и едва сдерживала рвущийся наружу смех. Наконец, она рассмеялась, да так заразительно и беззаботно, что наш семинар тем и закончился, что потонул во взрывах всеобщего смеха» [57].

Тони Вольф и новые
психологические
основы женской
типологии

«Самый практич-
ный человек»

К. Юнг сперва было отговаривал Тони Вольф от занятий психоанализом, разумно опасаясь, что ее талант лирического поэта может пострадать из-за этого ее нового увлечения. Да, такое вполне могло произойти, ведь она так и не развила полностью свой литературный дар и никогда не публиковала свои стихи. Все же став психоаналитиком, она начинает ассистировать ему в работе, самостоятельно разрабатывая новые психологические основы женской типологии. Сменив затем на посту Эмму Юнг, на вид строгая, но чрезвычайно восприимчивая Тони в течении следующих двадцати лет возглавляет Психологический клуб, который под ее руководством достигает своего расцвета. Салли Николс как раз была одной из ее пациенток.

«Более года мисс Вольф работала со мной...

Невысокого роста, тем не менее, сидя в кресле с высокой спинкой за своим столом так, словно аршин проглотив, производила впечатление торчащей дылды...

Из всех людей, кого я знала, она была самым практичным человеком, совмещая в себе при этом аристократические манеры и отличный вкус в одежде. Она изумительно тонко воспринимала большинство общечеловеческих проблем и адекватно реагировала на них...

Женщина необыкновенной работоспособности и энтузиазма, сострадательная и мудрая – такой я запомнила ее навсегда... Короче говоря я узнала, что муж мой завел интрижку на стороне с одной француженкой... Честно говоря, где-то в глубине души я не верила, что ради нее он бросит меня и двух сыночков с лапочкой дочкой. Но уж слишком соблазнительной оказалась роль «оскорбленной жены», чтоб не примерить ее на себя... Вот в таком виде, воя и рвя на себе волосы, явилась я со своим горем к мисс Вольф. Она внимательно слушала меня, кивая сочувственно в нужных местах, когда я, безудержно рыдая, выкладывала ей все свои оскорбленные чувства. Но стоило мне чуточку остановиться для передышки, чтоб потом с удвоенной силой продолжить свои стенания, как она опередила меня своим вопросом, от которого у меня до сих пор мурашки по коже бегут:

– Послушайте, а почему бы Вам не пригласить эту даму на завтрашний ланч?

– Э... Вы имеете в виду капнуть мышьяка ей в чай? – спросила я с засиявшей сквозь слезы надеждой раз и навсегда избавиться от соперницы.

– Да Бог с Вами, милочка! – строго осадила меня мисс Вольф. – Просто Вы сможете лучше узнать ее, да и чем черт не шутит, вдруг она Вам понравится?

Помолчав, выжидательно глядя на меня, добавила:
 – Понимаете, временами бывает так, что когда обманутая жена находит в себе силы побороть свою жалость к самой себе, она вдруг осознает, что ее мнимая соперница не только не увела мужа, сколько помогла сохранить семью. Спросите, почему? Да потому что этой «разлучнице» удалось помочь мужчине преодолеть кое-какие личные проблемы, которые не под силу было решить его жене или же на которые она просто плевала. И что в итоге она имеет? Освободившиеся в себе силы женщина может направить в другое русло, русло творческих интересов и дальнейшего своего развития – и брак не только сохраняется, но даже становится еще крепче!

Каким бы не был добрым этот совет, к сожалению я им так и не воспользовалась... Предпочла нянчиться со своей фантазией об этой «змеюке подколодной» до тех пор, пока не столкнулась с ней как-то лично. С того времени тешу себя мыслью, что однажды наберусь смелости пригласить ее на... ланч!» [17].

«Странный любовный треугольник»

Известно, что в то время как Эмма и Тони при помощи одного из коллег К. Юнга несколько раз пытались сообща проанализировать всю сложность и запутанность их непростой личной ситуации, в обществе давно уже подметили этот сложившийся странный любовный треугольник, о чем можно судить по рассказу Джозефа Хендерсона:

«Их взаимоотношения... не были тайной для тех из нас, кто тесно работал с ними в 1920–230-х годах...

Одна довольно известная в светском обществе пара из Нью-Йорка... в честь Карла, Эммы и Тони устроила в гранд Хотел Долдер званный бал-маскарад, костюмированный в китайском стиле... Вечер прошел просто восхитительно... все веселились, как малые дети, одетые кто во что горазд во все китайское, с подведенными на манер азиатского разреза глазами...

Юнг, верный традициям своего окружения, сыпля шутками направо-налево никого не обделил своим вниманием и, как виновник торжества, был просто неотомим в своей кипучей энергии, изо всех сил стараясь, чтоб вечеринка удалась на славу... не припомню, чтоб в отношениях между женой и Тони были какие-то напруги или шероховатости. Свободно и непринужденно, без всякой неловкости общались они друг с другом, впрочем как и сам Юнг с каждой из них.

Впоследствии же, как я понимаю, Юнг уже более тщательнее подходил к выбору, кто из них, Эмма или Тони займет место рядом с ним при выходе в свет.

Так, когда в 1935 году он приехал в Тависток Лэкчурез с курсом лекций, то представил бывшую с ним Тони Вольф своей компаньонкой и хозяйкой. Помню как одна присутствующая там англичанка непрестанно удивлялась и восхищалась элегантности Тони, которая всякий новый раз появлялась на публике, меняла и без того сногшибательную шляпку на новую. А двумя годами позже, когда после путешествия по Америке он в 1937 году вновь посетил Лондон с лекциями, то на сей раз его спутницей, которую широкой публике он также представил как компаньонку и хозяйку, была Эмма, тоже не менее стильная и изящная.

Фоулер Маккормик, чикагский бизнесмен и филантроп, был близким другом семьи Юнгов и он частенько рассказывал мне впоследствии, каким глубоким уважением пользовались чета Юнгов и Тони в их кругу за то, что возникшие в их треугольнике личные проблемы они решали сами, не вынося сор из избы. Да что говорить, даже собственные дети Юнга долгое время не догадывались о близких отношениях своего отца с Тони – и это при том, что она была частой гостьей в их доме. В общем мы с Фоулером пришли к мысли, что насколько это было возможным в нашем-то моногамном обществе, в этих женщинах Юнг нашел для себя двух разных жен... [18].

Семейная жизнь

Воспитание детей

Своих пятерых детей он воспитывал в демократично-либеральном духе, обучая их основам всех религий и уважая их право собственного выбора воскресных школ, конфирмации и будущей профессии. По выходным и праздникам значительную часть своего времени он резервировал для обязательных игр с детьми. На Цюрихском озере чуть правее Боллингене располагался необитаемый островок, на который всей семьей делали иногда высадку и, на пару дней позабыв про всякую цивилизацию, жили в полной гармонии с природой: ставили палатки, собирали хворост для костра, на котором варили себе пищу, а воду черпали прямо из озера. развивая у детей творческие способности, он постоянно придумывал для них новые игры с использованием все того же природного материала: веток и шишек, замысловатых сучков и необычайной формы гальки, строили песчаные замки на берегу или выходили на лодках в озеро, где разыгрывали целые представления под чутким руководством «папы» Юнга.

«Золотые руки»
мастера

Имея золотые руки мастера К. Юнг много рисовал, резал по дереву или высекал что-либо из камня; очень любил мастерить кораблики, частенько вовлекая при этом в процесс творчества и детей, рассказывая им за

«Удивительно-
необыкновенный
чудак»

работой кучу занимательных историй, шевеля таким образом их воображение. Походы с рюкзаками по лесу, плавание под парусом на озере, велосипедные прогулки или созидательный труд в саду тоже осуществлялись всей семьей, часто с участием наиболее близких друзей.

Франц, сын Карла Юнга, охарактеризовавший как-то отца «удивительно-необыкновенным чудачком», во всем помогал ему строить и обустривать Боллинген. В 1928 году они покупают свой первый семейный автомобиль, ласково назвав его «Линой», впоследствии К. Юнг приобретет для себя лично еще ярко-красный спортивный кабриолет.

Воспоминания

«Цивилизованный
модернист»

Элизабет Шепли Сержент: «Как и многие другие, частенько видела, как он, весьма цивилизованный модернист, носился на своем красном «Крайслере» по петляющим улочкам Цюриха; или же заставляла его в рабочем кабинете с бесчисленными – от пола до потолка – рядами книг перемежавшихся картинами в восточном стиле и оконными витражами на библейские темы, где он, целиком уйдя внутрь себя, сосредоточенно размышлял над загадками души... пока однажды одним дождливым летним днем не натолкнулась на «первобытного» Юнга: он встречал меня в саду у своего любимого пристанища (в Боллингене), расположенного у самой кромки воды и с остальных трех сторон окруженного зелеными холмами, и поражавшего любого, кто впервые переступал его порог, своей серокаменной монументальностью и круглыми башенками схожестью с какой-нибудь средневековой крепостью – сюда, сняв белый докторский халат, он убегал, чтобы хоть на некоторое время стать беспристрастным ученым и писателем, перелавшего свой практический опыт в теорию. Именно здесь мне довелось созерцать как он, укрывшись под защиту каменных стен центральной круглой башни дома, которую сам же и построил своими собственными руками, переодевшись сперва в ярко-синий парусиновый комбинезон, принялся увлекательно и, главное дело, всерьез стирать с деревянной лохани своими сильными ладонями другой точно такой же джинсовый костюм...

Он никогда ничего не делал кое-как или спуская рукава. Когда он, взад-вперед мера энергичными шагами сцену Психологического Клуба, увлеченно разгяснял сон сидящим перед ним лучшим студентом, то каждая

«Словно древний
алхимик»

его клеточка тела и фибра души жила, как казалось, своей отдельной жизнью; каждая крупинка его необыкновенной эрудиции... и природной мудрости слажено слагалась в единый живой поток, несущего ответ на любой поставленный нами вопрос. Вот и сейчас, оставив в Кушнате все мысли о работе, этот солидный и спокойный человек в ярко-синем комбинезоне находит для себя в стирке точно такой же интерес и увлечение, без остатка посвящая всего себя этому занятию» [19].

Барбара Ханна: «В ответ на мое гостеприимство Тони упростила Юнга пригласить меня к ним в Болинген с ответным визитом. Я, честно говоря, откровенно струсил, когда впервые очутилась под сводами этого дома. Из-за ветреной промозгло-сырой погоды Юнг не стал разводить очаг на улице, а принялся колдовать во внутренней кухне круглой башни, накинув на себя длинный – до пят – теплый восточный халат, который всей остальной одежде он предпочитал надевать именно в такую погоду. В таком виде он выглядел словно древний алхимик посреди своих булькающих колб и реторт – однажды нечто подобное я видела на одной из картин в музее. Но главное – в эту минуту он как никогда выглядел цельной личностью... Тони, тоже зашедшая со мной на кухню, предложила мне чашку чая и показала на стул у камина – садись, мол, и наблюдай за «кухаркой» – а сама, принеся Юнгу по его просьбе все необходимое, тоже занялась подготовкой застолья. Замерев на стуле, я старалась не дышать, боясь даже пошелохнуться и помешать, таким образом, своим неловким движением Юнгу, который был всецело поглощен готовкой и поддержанием равномерного огня. (Он, к слову, готовил просто восхитительно и в те дни потчевал нас с Тони изысканнейшими блюдами. Подумать только, один лишь соус к мясу состоял из 16 ингредиентов!) Тогда я не знала еще достаточно хорошо, чтоб наслаждаться этим установившимся между нами общительным молчанием (которым впоследствии я просто упивалась как ничем другим), поэтому просидев, как истукан, часа два или три, не помню точно, решила, поймав удобную возможность, когда мне показалось, что он чуть отвлекся от огня, тихо прошептать: «М-мне ст-т-трашно...» Он не ответил, но его промелькнувшей забавной улыбки вполне хватило, чтобы сразу спавшее мое ледяное оцепенение уступило месту ощущению домашней атмосферы. Спустя минуту он подал мне аперитив <...> мне даже доверили отнести тарелки, и вот наконец мы все усе-

лись вокруг круглого стола. Восхитительная еда в паре с чудесным вином окончательно растворили мой страх и хотя за весь обед я так ничего и не сказала, за исключением, правда, нескольких «мыканий» себе под нос, означавших мою благодарность хозяйке за предложение отведать того или иного блюда, мое молчание сослужило мне очень хорошую службу, ибо, как я узнала впоследствии, Юнг ненавидел разговоры за обеденным столом: (Он часто ссылался на слова своей матери, не раз утверждавшей, что болтовня за столом – это верх неуважения к пище). Сам же он в конце обеда произнес одну единственную фразу, целиком относившуюся ко мне: «О, прекрасно, что вы уже знаете, как надо наслаждаться едой! Одной вещи (он сделал ударение на «одной») меньше учить вас!» [20].

«Жизнь – отличнейшая шутка!»

Поэтесса и хореограф Хелена Хендерсон: «Помню весь его дом, так похожий своей каменной кладкой на средневековую крепость и тот характерный, чуть сыроватый запах его стен; помню Юнга, как он, сидя перед камином в вязанном колпаке с помпончиком, помешивал в большом чугуне варево, которое уже через полчаса мы, переместившись в соседнюю комнату за длинный узкий стол, стоящий прямо на каменном полу, вовсю уплетали за обе щеки. Никто из нас и не заметил, как хозяин, не поскупившись на вино, ненавязчиво довел нас до нужной кондиции: все расслабились, шутили и до упаду, как припоминаю, смеялись над каждой шуткой, правда вот в чем состояла соль этих шуток я уже не помню. А Юнг, подождав, пока мы упрямимся со второй порцией рагу и, облизываясь от такой вкуснятины, станем готовиться в третий раз очищать тарелки, спросил нас, может быть кто-нибудь отгадает название того, что мы все так дружно уминаем? Сердце, легкие... стали перечислять мы, но он все только с улыбкой отрицательно качал головой. Наконец, перебрав все известные нам деликатесы, мы окончательно сбились. «Высушенное коровье вымя!» – открыл он тайну своего рецепта, после чего почему-то больше не нашлось желающих третий раз отведать тающего во рту мяса. Вот это я понимаю, шутка так шутка! Недоеденные остатки он швырнул собакам под стол – еще один с его стороны прекрасный средневековый жест.

Помню, какими веселыми и хмельными разъезжались мы по домам. На всю жизнь запомнила я эту вечеринку в доме Юнга, только вот трудноато мне сейчас найти такие слова, чтобы хоть приблизительно опи-

Не сдерживая
эмоций

«Луч света в моем
темном царстве
и неисчерпаемое
дно для раздумий»

«Он вмещал в себе
многих, но не было
никого, кто вмещал
бы его самого»

сать вам очаровательную красоту этого сказочного места и нереальность всего произошедшего там с нами. Самое ярчайшее же мое впечатление – непосредственно сам хозяин дома, чье живое слово и каждый жест неоспоримо лучше любой опубликованной его работы убеждал нас в мысли, что жизнь – отличнейшая шутка!» [21].

Аниела Джеффи: При встречах с друзьями, да и вообще в повседневной своей жизни он не сдерживал ни одну из возникающих своих негативных или позитивных эмоций. В свои молодые годы он так сильно смеялся, что его заразительный смех далеко-далеко разносился по всей округе. Однажды на террасе... где проходило ежегодной собрание членов Эрановских конференций... вдруг появился никому не знакомый мужчина средних лет. Извинившись за столь внезапное свое вторжение в наше общество, он объяснил причину своего появления: оказывается, он шел себе спокойно где-то по перевалу над Каза Эранос... его ушей достиг такой вызывающе-громкий, но обезоруживающе искренний смех, что немедленно захотел отыскать того человека, который так заразительно смеялся. Юнг, естественно польщенный таким поворотом дел, тут же увлек незнакомца в уголок, где они о чем-то долго оживленно шушукались [22].

Когда с 1933 года начинают ежегодно созываться международные научные Эрановские конференции, то К. Юнг, играя ведущую роль в течении двадцати лет принимает в них самое активное участие, постоянно выступает со своими новыми идеями. Его теории нашли отображение в самых разнообразных научных дисциплинах, включая теологию, политологию, юриспруденцию и литературу – к примеру много юнговских идей вы можете повстречать на страницах романов Германа Гесса и Герберта Уэллса, последний признавал его размышления как «...луч света в моем темном царстве и неисчерпаемое дно для раздумий». Сам К. Юнг тоже писал эссе по поэзии, литературе и искусству; общеизвестным стали его разборы работ Джеймса Джойса и Пикассо. Много ездит по миру со своими лекциями, за которые был отмечен почетными докторскими степенями многих европейских, американских, английских и индийских университетов; в родном Цюрихе ему присуждается литературная премия Zurich's Prize.

Джейн Уилрайт: «В Цюрихе он постоянно был окружен многими людьми, но при внимательном рассмотрении становилось ясно, что он одинок. Он вмещал в себе многих, но не было никого, кто вмещал бы его самого» [23].

Но как признавался сам К. Юнг в одном из писем от 1932 года: *«Меня постоянно грызет чувство своей неполноценности, а все из-за того, что ежедневно вынужден переваривать в себе всю жизнь доверху полную ошибок и всякой разной глупости. Но, так или иначе, ощущение неполноценности только доказывает наличие у вас силы. Желание стать более лучшим и более умным, чем раньше – это то же сила. Но трудно, просто чертовски трудно быть тем, кем ты есть на самом деле, да еще выносить себя самого, а в исключительных случаях поистине с христианским милосердием прощать свои собственные грехи»* [24].

Травля

Обвинения
в антисемитизме

Предвоенные грозовые 1930-е годы породили в мировом сообществе множество бескомпромиссных конфликтов, в один из которых непосредственно был втянут К. Юнг. Против него посыпались обвинения в антисемитизме и в сочувствии нацистскому режиму, отголоски которых эхом раздаются и в наши с вами дни.

Происходившие в начале 1930-х годов политические пертурбации, до основания сотрясавшие старушку Германию, К. Юнг подобно многим другим обеспокоенным людям рассматривал как «неопределенные» в своем окончательном исходе, питая, впрочем, слабую надежду на положительный результат от неминуемого там в скором времени переворота и прихода к власти новых сил. Целых два года не покидала его эта надежда. А в 1933 году, уступив настойчивым просьбам наиболее видных деятелей Генерального медицинского общества по психотерапии, вице-президент К. Юнг соглашается занять бывшие до того времени вакантными президентский пост и должность главного редактора печатного органа журнала «Zentralblatt», со штаб-квартирой в Германии. Это был год прихода к власти Гитлера, когда все германские учреждения не без оснований стали опасаться, что рано или поздно новое правительство заставит их «присягнуть» на верность нацистской идеологии.

Национальные
группы в Психотерапевтическом
обществе

Несмотря на всю интернациональность Психотерапевтического общества, все же доминирующее число ее членов составили немцы, за ними по численности шли евреи. Обладая, как гражданин Швейцарии, независимостью в своих действиях по руководству обществом, К. Юнг в течение пары месяцев производит кардинальную реорганизацию вверенной ему структуры: заново переписав прежний устав, он расширяет ее до Международного генерального психотерапевтического общества, которое отныне стало состоять из отдельных нацио-

нальных групп, каждая из которых обладал правом голоса – это исключало контроль какой-либо одной группы над другими, а заодно позволяло отдельным членам общества, не желающим контактировать с теми или иными коллегами, работать внутри своих национальных групп, что особо защищало евреев. В письмах того времени он неоднократно искал помощи у своих швейцарских, датских, шведских и голландских коллег.

«Мечта – развест
и национальные
группы по нейтральным странам»

«Дорогой коллега...

Облеченный властью возглавляемой мною организацией, я всячески пытаюсь предотвратить расползание по всему Обществу политических щупалец спрута, угнездившегося в германском, самом многочисленном нашем отделении. Исходящую оттуда угрозу ощущают на себе все наши иностранные собратья, особо евреи, которых, как вы знаете, у нас тоже немереное количество. Моя мечта – развести национальные группы по нейтральным странам, что не только позволит уравновесить немецкое влияние, но даст самим же немцам, находящимся сейчас в полной духовной изоляции от всего остального мира, благоприятную возможность сохранить научные связи с зарубежными коллегами. В этом я вижу залог успеха дальнейшего развития германской психотерапии...» [25].

Сепаратное германское отделение в отношении с нацизмом

Сепаратное германское отделение «подчинялось» своему собственному президенту, профессору Герингу, двоюродному брату рейхсмаршала Г. Геринга. Вместе с К. Юнгом они достигли соглашения, что спецвыпуск «Zentralblatt», за подписью Геринга обязывающий членов германской секции одобрить политико-идеологические принципы Гитлера, будет распространяться только лишь на территории одной Германии. Но по досадному недоразумению, халатности или же преднамеренно этот геринговский манифест без ведома К. Юнга и вопреки его распоряжениям док. Вальтеру Кимбалу, шеф-редактору немецкого выпуска «Zentralblatt», за подписью К. Юнга был напечатан в интернациональном выпуске журнала. В научных кругах разразился скандал.

Скандал о манифесте Геринга

«Дорогой коллега...

Пользуясь... удобным случаем, с прискорбием хочу информировать вас, что глубоко опечален фактом появления манифеста Геринга, предназначавшегося только лишь для германского выпуска, на страницах всех остальных наших национальных изданий «Zentralblatt». Я, как вы должны помнить, не раз настойчиво утверждал, что германский выпуск выйдет только за подписью проф. Геринга – как иностранцу мне не подобало влезать во внутреннюю политику Гер-

мании. Приходится только глубоко сожалеть о допущенной тактической ошибке, когда чисто внутренний манифест, рассматриваемый нами как необходимый немецкой нации на данном этапе, появляется перед глазами наших иностранных подписчиков, прекрасно разбирающихся в его подлинной сути, и колом встает у них в горле... Убедительно прошу Вас... все зарубежные выпуски «Zentralblatt» делать полностью, подчеркивая, полностью аполитичными; в противном случае наши иностранные коллеги найдут невозможным для себя присоединиться к нашему обществу...

В Цюрихе уже целая компания развернулась против меня... как президент Международного общества я должен быть всегда абсолютно уверен, что выходящий за моей подписью научный журнал будет свободен от любой политики» [26].

О разнице иудаистской и германской психологий

В этом же самом выпуске «Zentralblatt» колонка редактора была посвящена разнице иудаистской и германской психологий: «Нарочно ясно заявляю, что ни коим образом не умоляю семитскую психологию – как не умоляют китайскую, когда заводят речь о характерной психологии Дальнего Востока» [27].

После того, как доктор Балли из Швейцарии первым обвинил К. Юнга антисемитизме и сочувствии нацизму, против него началось настоящая травля. К. Юнгу пришлось публично выступать с разъяснениями своей позиции.

Разъяснение позиции

«Я встал перед моральным выбором... следует ли мне, как благоразумному гражданину нейтральной страны, перейти границу и, умыв преспокойненько руки, жить и не тужить ни о чем, или же по зову совести я должен стойко вынести все обрушившиеся несправедливые нападки со стороны неправильно понявшего меня общества, что, в принципе, может случиться с каждым, и все же договориться с политическими силами, пришедшими к власти в Германии? Следует ли мне ради своего эгоистического комфорта с политической толерантностью отказаться от всех своих научных интересов, преданности коллег и дружбы со многими врачами немцами? ...Нет, у меня нет иной альтернативы кроме как весом своего имени и независимой позицией всецело поддерживать моих друзей...

Главная цель – сохранить молодую науку

Моя главная цель – сохранить и, минуя все потрясения, провести нашу молодую науку через все подстерегающие опасности в наиболее безопасное место... У медицины с политикой нет и не может быть ничего общего... ее призвание – под властью любого правительства служить на благо страдавшего человечеству...

Человек – это не откормленный для политической бойни бык, а создание, имеющее душу. И я последую за любым ее призывом, откуда он не прозвучал бы, раз вступил на это попрание... Разе может быть признан изменником Родины доктор, оказывающий во время войны помощь раненым вражеским солдатам?..

По общему признанию я опрометчиво... сделал самую неподходящую вещь в настоящий момент: озвучил еврейский вопрос... а разве не мог он не встать там, где лежит специфические различия между еврейской и, по существу, христианской точками зрения? Если я, по словам док. Балли, не способен указать ни одного отличия между этими двумя психологиями, то получается, что мне не под силу провести ни одного внятного различия между англичанами и американцами, французами и немцами ... Все ветви человечества образуют один общий ствол; разве будет ствол без составляющих его ветвей?

Признаю без малейших колебаний: это просто досадное недоразумение, несчастливое совпадение, что без моего ведома и вопреки моей собственной воле моя научная программа была наложена на этот политический манифест» [28].

Разрыв с З. Фрейдом в расистском ракурсе

Естественно, К. Юнгу сразу же припомнили их давнишний разрыв с З. Фрейдом, только на этот раз уж в расистском ракурсе. Вдобавок ряд его прошлых заявлений по еврейской культуре не только сами евреи, но и многие европейцы ныне рассматривали как ограниченные и не соответствующие духу времени. Так, например, тот же самый. З. Фрейд признался однажды, что не соблюдает ни одну из вековых мистических традиций еврейского народа. Подтверждением сему служат письма К. Юнга:

«Поссорился с современной историей»

«13 апреля 1934 г.

Дорогая фрау фон Шнейер!

Вы не поверите, но я поссорился с современной историей... Люди думают, что я – ярый антисемит, и все из-за того, что помог своим германским коллегам консолидировать их национальное Психиатрическое общество и что однажды признал наличие определенных различий между иудейской и так называемой арианской психологиями, обусловленные главным образом тем фактом, что история еврейской культуры на две тысячи лет старше арианской. Ой какой же сейчас скандал раздут вокруг всего этого! Как, оказывается плохо-то быть известным человеком в наше смутное время. Ты всегда на виду, словно вавилонская башня в чистом поле, без малейшей возможности сохраниться куда-нибудь с глаз долой» [29].

«Не достает познаний по иудаизму»

«Дорогой док. Кохен!

От всей души хочу сердечно поблагодарить Вас за Ваше понимание, которое Вы оказали мне такой хорошей своей статьёй в «Israelitisches Wochenblatt». В наше время, когда глупость всюду празднует свой бал, это весьма редкое явление.

Вы абсолютно правы в том, что мне не достает познаний по иудаизму. Все правильно, я не понимаю иврит. Но мне кажется, что Вы приписываете мне политические взгляды, которых на самом-то деле у меня нет и просто быть не может. Несмотря на наше противостояние с Фрейдом, я ни в коем случае не враг евреям. Я оппонирую, во-первых, за его интеллектуально-материалистические позиции, а во-вторых, что не менее важно, за не религиозную точку зрения, а вовсе не потому что он еврей...

Я только недавно начал общаться с Германией, да и то благодаря лишь своему идиотскому альтруизму, а не по соображениям политической сентиментальности» [30].

«Мой дорогой Кири...

Вы же меня довольно хорошо знаете, поэтому должны понимать, что всякие там разные глупости, вроде антисемитизма, никогда не переступят порог моего дома. И вам должно быть прекрасно известно, как высоко ценю я человеческую личность, и каких невероятных усилий стоит мне помогать ей обрести себя, что возможно лишь только в том случае, если человек действительно признает свою особенность, которой наделила его судьба. Ни один из евреев не сможет стать полноценным человеком, не поняв прежде, что он еврей – это тот самый базис, оттолкнувшись от которого он сможет стать человеком в высшем смысле этого слова. Эта формула справедлива для всех вас рас и народов. Национализм в самом худшем своем значении, – это sine qua pop, в котором человек ни за что не должен завязать...» [31].

«Мой дорогой Мюррей...

Не думаю, что страдаю параноидальной манией преследования, но все настолько реально, что поневоле начинают закрадываться такие мысли. Куда бы ни пошел, какого бы вопросы не коснулся, всюду сразу натыкаюсь на стену предубеждения, что я – голимый нацист, тесно сотрудничающий с германскими властями. Недавно ездил в Англию, где столкнулся с соответствующими трудностями. Даже в далекой Индии тамошнее научное общество получило из Вены <...> мою

Личность выше национальности

Стена предубеждений

фотографию – фальшивую, разумеется – с крупно напечатанным именем, на которой я изображен донельзя злобствующим евреем. Я оставил это фото себе на память – что может еще лучше доказать, что у меня нет никакой мании?» [32].

Многочисленные письма, публикации и выступления известных защитников иудаизма сегодня убеждают нас, что в 1930–1940-х годах К. Юнг, где советом, а где прямым своим содействием помог многим евреям найти безопасное пристанище в Англии и Америке. Помимо активно оказываемой со своей стороны профессиональной поддержки многим ученым-евреям, также в одну из своих книг он включает эссе одного видного еврейского писателя и собственноручно пишет предисловие к книге своего ученика Герхарда Адлера, тоже бывшего евреем. Но в те годы расового фанатизма его суждения по иудейской психологии и культуре подвергаются столь нещадной критике, что он всерьез начинает опасаться за свою жизнь.

«Гестапо взяло на заметку»

Вопреки все возрастающему в Психотерапевтическом обществе прессингу со стороны германской секции, К. Юнг до самого 1939 года твердо и непреклонно отстаивал право голоса лиц еврейской национальности и только когда окончательно убедился, что дальнейшая работа возглавляемой им организации по так называемому ариановскому направлению невозможна без явной дискриминации стороны немецкого отделения и примкнувших к нему союзников, подал в отставку. В этом же году его повесткой вызывают к Геббельсу, вернувшись от которого он впоследствии делает ряд весьма резких заявлений, обличающих нацистский режим. «Гестапо взяло меня на заметку за эти выступления, книги мои заметили, а во Франции так вообще сожгли большую часть из них» [33], – писал он в одном из своих писем. Когда же его имя было внесено нацистами в черный список, то по совету вышедших швейцарских военных чинов он бросает свой цюрихский дом и спешно укрывается в горах [34].

На стороне антигитлеровской коалиции

*«28 сентября 1939 года
Дорогой док. Хардинг...*

Естественно, мы все надеемся, что наша нейтральная Швейцария не будет втянута в разразившуюся войну, если же да, то только на стороне антигитлеровской коалиции – все швейцарцы, не сомневаясь и не колеблясь, единодушны в этом мнении. Германия до нуля уронила планку своей национальной гордости и чести, что явственно демонстрируют немцы своей идеологической пропагандой...» [35].

Когда К. Юнг писал это письмо, он еще не знал, что пятью днями раньше в Лондоне скончался живший там в изгнании З. Фрейд – он бежал туда из нацистской Венны двумя годами раньше, предупрежденный поздравительной телеграммой от К. Юнга. Эта телеграмма стала первой и последней ниточкой, вновь соединившей двух великих людей, двадцать шесть лет назад разорвавших между собой все отношения. Близкие друзья К. Юнга и З. Фрейда свидетельствовали, что никто из них так и не оправился до конца от душевных ран, нанесенных таким бескомпромиссным концом своей дружбы.

Индийское лето

Последняя
экспедиция
в Индию

Получив в 1937 году приглашение от английского правительства Индии посетить их страну, К. Юнг практически перед самой войной предпринимает туда свою последнюю в жизни культурную экспедицию. К этому времени он уже издает свой психологический комментарий на «Тибетскую книгу «мертвых», успешно выступает в Йельском университете с курсом лекций, объединенных общей темой «Психология и религия», и успевает проглотить прорву книг по индийской философии и религиозной истории», оставивших у него «...глубокое убеждение в несомненной ценности восточной мудрости».

Вопрос о психологической
природе зла

«Находясь в Индии, я по сути занимался одним-единственным интересовавшим меня тогда вопросом о психологической природе зла. И был глубоко поражен тем, каким необычным путем эта проблема интегрирована в духовную жизнь индийцев...

Как я понял, в Индии духовность в равной степени вмещает в себя как добро, так и зло. Если христианин, постоянно уступая искушениям греха, все же тянется к добру, то есть падает, но встает и идет дальше, то устремления индийца совсем иные: с помощью йоги и медитации он стремится вывести свой дух за пределы всякого добра и зла. В корне не согласен с такой позицией, потому что в этом случае добро со злом так и не приобретают никаких своих реальных очертаний, а образуется некий застой. В итоге получается, что человек начинает не придавать большого значения ни злу, с одной стороны, ни добру – с другой...

Смысл Бытия в его
действительности

Заветная цель любого индийца – достичь нирваны, а вовсе не внутренней законченности в своем духовном совершенствовании. Ради достижения конечной цели – стать свободным от природы – путем длительных медитаций он старается полностью опустошить себя,

выкидывая из головы все возникающие там образы-видения. Я же, в отличие от него, ни за что не хочу отказываться от живого созерцания природы и всплывающих при этом в душе образных метафор. Я не желаю порывать духовных ниточек, незримо связывающие меня с остальными людьми, с природой, да и с самим собой, в конце-то концов, – ведь это самое величайшее дарованное мне чудо! Вся природа, душа и жизнь потихоньку разворачивают предо мной свою божественность – да разве ж я не могу желать еще чего-то большего? Наивысший смысл окружающего для меня Бытия вижу в том, что оно действительно существует...

Только осуществив все то, что дано мне сделать, я смогу почувствовать свое реальное освобождение... Если же я пренебрегу какими-то заложенными в меня возможностями и не воплощу их в жизнь, то фактически собственно ампутирую соответствующую часть своей души...

Пройти сквозь ад своих страстей, чтобы совладать с ними

Человеку, не прошедшему до конца сквозь крошечный ад своих страстей, так и не удастся никогда совладать с ними... Помните, что всякий раз уступая их давлению или же осторожно обходя сторонкой, а то и вовсе забывая про них, вас всегда будет подстерегать серьезная опасность, что рано или поздно оставленные за спиной вещи вновь вернуться и вам, только уже на этот раз с удесятеренной направленной против вас силой» [36].

В Индии живет полностью все тело

Наблюдателю К.Юнгу не составило никакого труда подметить, что «...в сказочном мире Индии жизнь не ограничивает себя одной лишь только капсулой головы – там живет полностью все тело». Осматривая черную пагоду Конарака он вдруг неожиданно сталкивается с весьма чуждым Западу способом, каким в Индии сексуальность вплетают в религию: «Начиная от самой земли и заканчивая кончиком шпиля на крыше, вся пагода была облеплена непристойными скульптурными композициями... про которые он [Брамин] объяснил мне, что они служат одним из средств достижения одухотворенности. Я тут же возразил, указывая на стоящую невдалеке от нас группу молодых парней, судя по внешнему виду – крестьян; те, раскрыв рот, во все глаза пялились на это пышное пикантное великолепие, что вряд ли в эту минуту, когда их мозги переполнены сексуальными фантазиями, они хоть как-то одухотворяются. На что мой спутник привел свои аргументы: «В этом-то все и дело – не удовлетворив прежде своей кармы, они ни на йоту не смогут повысить свою оду-

хотворенность. Вот поэтому эти многочисленные, по вашему общему мнению, развратные изображения представлены туту прежде всего для того, чтобы эти парни – а в их лице все остальные люди – воскресили в своей памяти дхарму [закон]; в противном случае они сами не заметят, как напрочь позабудут ее» [37].

Увиденное в Индии
заставляет о многом
призадуматься

«Хотите получить самый лучший жизненный урок, который способна вам дать только Индия? Завернитесь в сари своего морально-нравственного превосходства и придите к сиенам Черной пагоды Конарака, сплошь облепленные непристойными фигурами. Присядьте где-нибудь под ними в тенечке и раскройте на нужном месте «Справочник по Индии» Мюррея, страницы которого весьма подробно расскажут вам, как наиболее правильно следует возмущаться этим выставленным на всеобщее обозрение развратом... а затем, положив руку на сердце, тщательнейшим образом проанализируйте все свои мысли и ощущения. Не знаю, сколько уж вам требуется времени на это, зато в итоге... вы много чего нового узнаете про себя, да и вообще про человека с белой кожей – и по всей вероятности это будет то, чего раньше вам никогда не приходилось слышать в свой адрес от других людей... Поездка по Индии во всех планах весьма поучительна, а в психологическом отношении даже наиболее желательна, чем в любую другую страну мира, но имейте в виду, что все увиденное там заставит вас о многом призадуматься» [38].

Жизнеопределяющий сон

Именно здесь, в Индии, в окружении «...чуждой, весьма дифференцированной культуры» К. Юнгу снится, по его же собственному признанию, один из самых главных жизнеопределяющих снов, что всегда указывали ему необходимое направление дальнейшей работы. Как он сам потом рассказывал, на этот раз ему приснилось, что в компании своих цюрихских друзей он очутился на одном из островов у побережья Южной Англии. Прямо перед ними высилась громада величественного замка, тускло освещенного изнутри мерцающим светом сотен свечей, в котором он сразу опознал колыбель Святого Грааля, правда самой Чаши там не было. Тогда он понял, что они призваны сюда вернуть Грааль, спрятанные где-то в заброшенной хибаре, одиноко затерявшейся меж холмов острова, обратно в этот замок. Потом видение поменялось, и он увидел, что стоит один-одинешенек на голом берегу какой-то пустынной местности, а пред ним расстилается безбрежное море, которое, чтобы добраться до Грааля, ему следует переплыть без всякой лодки.

«Этот сон, разов задвинувший своей властью на второй план все мои впечатления об Индии, вновь заставил меня обратиться к интересам Запада, которыми я довольно-таки долгое время пренебрегал – в прежние века эти интересы заключались в поисках Святого Грааля и философского камня. В одно мгновение ока я был выдернут из мира Индии; мне ясно было сказано, чтоб больше я не занимался ей, ибо она всего лишь один из этапов на моем хоть и долгом, но крайне важном пути, продвигаясь по которому я с каждым шагом все ближе подхожу к своей конечной цели. Сон словно говорил мне: «Ну что ты позабыл в этой Индии, а? Ищи лучше salvator mundi, этот целебный сосуд для себя и для своих друзей, в котором вы так нуждаетесь. Но учти, что эти поиски крайне рискованны: один неверный шаг – и можно уничтожить все то, что собиралось не одно столетие» [39].

(Продолжение следует)

1. Jung C.G. Letters Volume 1, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 59. Letter to Anonymous.

2. Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 103.

3. Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffe. New York: Vintage Books, 1989. P. 133.

4. Jung, van der Post. P. 128.

5. Ibid. P. 121–122.

6. Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 103–104.

7. Last Years, Jaffe, op. cit. P. 106–107.

8. Jung, Wehr, op. cit. P. 329.

9. Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 99–100.

10. Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffe. New York: Vintage Books, 1989. P. 144.

11. Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 104–105.

12. Jung C.G. *Letters Volume 1, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe*. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 41. Letter to Oscar A.H. Schmitz.
13. *Ibid.* P. 422. Letter to J. Allen Gilbert.
14. *Ibid.* P. 133. Letter to Frau V.
15. Jung C.C. *Emma Jung, Toni Wolff*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 75.
16. Jung, van der Post, *op. cit.* P. 4.
17. Jung C.G. *Letters Volume 1, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe*. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 561. Letter to Sibylle Birkhauser-Oeri.
18. Jung C.C. *Emma Jung, Toni Wolff*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 50–51.
19. *Ibid.* P. 47–48.
20. *Ibid.* P. 32–33.
21. C.G. Jung *Speaking*, McGuire and Hull, *op. cit.* P. 50–51.
22. Jung, Hannah, *op. cit.* P. 199.
23. Jung C.C. *Emma Jung, Toni Wolff*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 116–177.
24. *Last Years*, Jaffe, *op. cit.* P. 113.
25. Jung C.C. *Emma Jung, Toni Wolff*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. P. 98.
26. Jung C.G. *Letters Volume 1, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe*. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 86. Letter to Anonymous.
27. *Ibid.* P. 135. Letter to Poul Bjerre.
28. *Ibid.* P. 145–146. Letter to Walter Cimala.
29. *The Collected Works of C.C. Jung*. London: Routledge and Kegan Paul. V. 10, “Civilization in Transition”. P. 534.
30. *Ibid.* P. 538–541.
31. Jung C.G. *Letters Volume 1, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe*. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 157. Letter to E. Beit vin Speyer.
32. *Ibid.* P. 154–155. Letter to Dr. B. Cohen.
33. *Ibid.* P. 162. Letter to James Kirsch.
34. Jung C.C. *Letters Volume 2, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe*.

Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. XXXIV. Letter to Henry A. Murray.

35. *Jung C.G. Letters Volume 1, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 404. Letter to J. H. van der Hoop, January 14, 1946.*

36. *Jung, Hannah. P. 269.*

37. *Jung C.G. Letters Volume 1, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffe. London: Routledge and Kegan Paul, 1972. P. 276. Letter to Esther Harding.*

38. *Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffe. New York: Vintage Books, 1989. P. 275–277.*

39. *Ibid. P. 277.*

40. *The Collected Works of C.C. Jung. London: Routledge and Kegan Paul. T. 10, «What India Can Teach Us», par. 1013.*

41. *Memories, Dreams, Reflections by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffe. New York: Vintage Books, 1989. P. 282–283.*

